

17 июля 2009, 14:30

Очерки о Сомали. Встречи.

Обозреватель «Голоса России» Георгий Капчиц недавно вернулся из Сомали. В качестве переводчика и консультанта съемочной группы одной из российских телевизионных компаний он побывал во всех трех частях этой некогда единой страны: в Сомали – на юге, Сомалиленде – на севере и разместившемся между ними Пунтленде. Встречался с президентами и министрами, рыбаками и пиратами, жителями городов и поселков.

Обозреватель «Голоса России» Георгий Капчиц недавно вернулся из Сомали. В качестве переводчика и консультанта съемочной группы одной из российских телевизионных компаний он побывал во всех трех частях этой некогда единой страны: в Сомали – на юге, Сомалиленде – на севере и разместившемся между ними Пунтленде. Встречался с президентами и министрами, рыбаками и пиратами, жителями городов и поселков. По итогам поездки он написал серию очерков о Сомали. В нашем эфире уже прозвучали три из них – «Страна поэтов и пиратов», «Могадишо. Двадцать лет спустя» и «Пираты 21 века». Предлагаем вашему вниманию четвертый, заключительный очерк серии – «Встречи».

Семья, хорошо осведомленная о том, что происходит в Сомали, была решительно против моей поездки. Все аргументы, выкладываемые по нарастающей (возможность подработать, собрать материал для новой книги, сменить обстановку, не гневить судьбу) были отвергнуты. Тогда я прибегнул к Гоголю, напомнив слова Тараса Бульбы о «святых узах товарищества», – и был отпущен. Жена знала, что в Могадишо я увижу Абди, который был свидетелем у нас на свадьбе, а в Босасо – Халифа, который учился в Москве в начале 1980-х годов и каждый день бывал у нас, когда я работал над книгой сомалийских пословиц, блестящим знатоком которых он был. О встречах с этими давними друзьями и о Саиде, с которым меня познакомил Халиф, я и расскажу.

Абди Хаджи Гобдон

В объятия Абди я попал, едва сойдя с трапа самолета. Этот удивительный человек в начале 1970-х годов работал диктором языка сомали на Московском радио, а когда вернулся домой, сделал стремительную карьеру, став начальником пресс-службы

президента Мохаммеда Сиада Барре. Этот пост он занимал до крушения режима в 1991 году. За два года до этого я посетил Могадишо, о чем писал во втором очерке, и наблюдал Абди в зените славы и благополучия. На улице его узнавали все, а на вилле, куда меня доставил присланный им лимузин, я увидел новую жену Абди (сменившую скромную Лул, с которой он жил в Москве) и несколько вышколенных слуг, которым хозяин отдавал распоряжения насчет ужина. Кстати, во дворе, обнесенном высокой стеной, был вбит кол с привязанным к нему козленком, которого, каюсь, мы вскоре съели.

Когда диктаторский режим пал под натиском вооруженной оппозиции и началась гражданская война, Абди исчез. Через какое-то время мне сообщили, что он погиб, и даже описали, при каких обстоятельствах. Не успел я, однако, его оплакать, как выяснилось, что Абди жив, здоров и ... возглавляет пресс-службу нового (свергнутого прежний режим) лидера нации. С тех пор в Сомали сменилось несколько президентов, и каждый оставлял Абди в той же должности. Правда, в мае, когда мы встретились в Могадишо, мой друг, нимало не постаревший, но изрядно раздобревший, был «всего лишь» советником главы пресс-службы нового президента. Однако, как и прежде, он был вхож во все коридоры власти и пользовался (свидетельствую!) глубоким уважением своих молодых коллег.

Феномен Абди Хаджи Гобдона требовал разъяснения, и я обратился к первоисточнику. «Послушай сказку, которой нет в твоём сборнике», – сказал мой друг. – «Был в одном стаде молодой барашек с рожками. Однажды хозяева сказали: «Заколем-ка сегодня барана». Тогда барашек поднял повыше голову и смешался с козами. В другой раз хозяева сказали: «Заколем-ка козу». Тут барашек повернулся к ним своим курдюком, голову опустил вниз и пристал к овцам. Так баран то с козами, то с овцами пережил голодное время засухи».

Я хорошо понял Абди. В охваченной безумием стране, когда «из принципа» людей резали, как скот, он сделал беспринципность стратегией своего выживания. И преуспел. Теперь пусть тот, чьи «принципы» запачканы кровью, попробует бросить в него камень.

Абди помнит, сколько раз был женат, но не помнит, сколько у него детей.

Разбросанные по всему миру, они обожают отца. Не раз случалось, что после лекции в каком-либо из западных городов ко мне подходил молодой человек и с гордостью говорил: «Я сын Абди Гобдона». Не так давно мой друг привел в дом очередную жену. Она была замужем несколько раз, но не могла родить, и с нею расставались. Через девять месяцев после свадьбы на свет появился еще один Гобдон.

Халиф Нур Али «Коноф»

О том, что мой второй друг – Халиф, замечательный инженер и поэт, ждёт меня в Босасо, портовом городе на берегу Красного моря и конечном пункте нашей поездки, мне говорил едва ли не каждый встреченный в Сомали человек. Сам Халиф звонил по нескольку раз в день, и с каждым разом связь становилась все устойчивей – расстояние между нами сокращалось.

Халиф окончил Московский институт тонкой химической технологии (МИТХТ), после чего налаживал на родине работу электростанций и искал месторождения полезных ископаемых, которые, как утверждали сомалийцы, были ранее обнаружены компанией «Шелл», но тщательно ею законспирированы. Каково же

было мое удивление, когда в 1989 году, прибыв в Могадисо, я узнал, что Халиф удалился от дел и целыми днями сидит в какой-то лавке на окраине города. Там я его и нашел. «Да, — подтвердил мой друг, обводя грустным взглядом полки с мужскими сорочками, женскими платками и рулонами шелковых тканей. — Торгую вот». На мои расспросы Халиф отвечал неохотно и о том, что с ним случилось, распространяться не стал.

Когда, наконец, мы сошлись в Босасо, разжали объятия и признались, что, встретившись где-нибудь на улице, прошли бы мимо, друг друга не узнав, я сказал, что подаренные им 20 лет назад сорочки износил и хотел бы получить новые. «Ты про ту лавку? — засмеялся Халиф. — Это была явочная квартира. Туда приходили противники режима, там разрабатывались планы его свержения. Идея Пунтленда, в котором я имею честь тебя принимать, тоже родилась там».

Я уже знал, что Халиф возглавлял администрацию президента Пунтленда, ушедшего в отставку несколько месяцев назад, и курировал все экономические проекты этого государственного образования. «У тебя в гостинице вода есть, — поинтересовался мой друг и, получив утвердительный ответ, сказал: «Во всех городах Пунтленда она есть, свет — тоже. Это моих рук дело. Мечтаю приехать в Москву, зайти в МИТХТ и поблагодарить за науку». Потом спросил: «А вообще-то — где русские? Почему не идут? Ты же знаешь, как их здесь любят. У нас есть нефть, золото и уран. Можно было бы добывать вместе. А то выходит по пословице: «Хуже всего, когда ты кого-то накормил, а он не уходит или когда ты кого-то ждешь, а он не приходит». В голосе Халифа звучала обида.

Саид Осман Кенадид

Во второй (и последний) день моего пребывания в Босасо Халиф приехал в гостиницу с пожилым человеком. Тот вышел из машины, одной рукой опираясь на палку, другой — размахивая книгой сомалийских сказок, которую я подарил Халифу. «Это Саид Осман Кенадид», — сказал тот. «Твою книгу я ему не отдам, — поздоровавшись, произнес Саид и процитировал: «Хуншо [птица, которая питается отбросами] сказали: «Пророк умер!» Та промолчала. «Говорят тебе — Пророк умер. Почему ты не плачешь?» Та ответила: «Когда был жив Пророк, я ела дерьмо. Теперь, когда его нет, я делаю то же самое». «Это про нас!» — засмеялся Саид.

Саид Осман Кенадид — известный сомалийский писатель, сын вождя и поэта Османа Кенадида, создателя оригинальной сомалийской письменности — османии, названной по его имени, и младший брат Ясина Кенадида — автора знаменитого «Толкового словаря языка сомали». Саид раскрыл книгу сказок и указал на фотографию, сделанную в Могадисо в 1951 году. На ней будущий патриарх мирового сомаловедения Богумил Анджеевский (англичанин польского происхождения) запечатлен с группой сомалийских интеллектуалов — членов только что созданной Комиссии языка сомали. Помимо Анджеевского, с которым я встречался несколько раз, я знал на снимке только двоих — поэта Мусе Хаджи Исмаила Галала и Ясина Кенадида. Саид назвал всех остальных, кроме одного. «А это кто?» — спросил я про мальчишку, сидевшего рядом с Ясином в нижнем ряду. «Это? — переспросил Саид и улыбнулся. — Это я».

В день моего отъезда Халиф пришел с подарками — деринном (циновкой для вождя) уникальной работы, за которым ездил в город Эригабо, славящийся

ковроткачеством, и двумя тяжелыми пакетами, которые просил открыть только в Москве. В одном оказалась мирра, в другом – ладан, за которыми в страну Пунт посылали караваны древние египетские фараоны.